

Ананиашвили Нина
(22-летие твор. деят. от
Батерман)

Три цвета: черный

Нина Ананиашвили в новом балете
Алексея Ратманского

Театр танца Алексея Фадеечева и продюсерская фирма «Постмодерн-театр» на привычной для себя площадке Театра оперетты отметили 20-летие творческой деятельности Нины Ананиашвили. Вместо всевозможных па-де-де, как правило, украшающих подобные программы, виновница торжества выбрала три очень разных одноактных балета, в двух из которых станцевала сама. Кроме всего прочего, балеты отличались друг от друга цветом.

Известия - 2001 - 22 нояб. - с. 9
Варвара ВЯЗОВКИНА

Первым шел «Opus X». Цвет его костюмов — красный, хоть особого накала в нем и нет. Балет молодого американского хореографа Стэнтона Уэлша, поставленный специально для Нины Ананиашвили и впервые показанный полгода назад, — самое неудачное приобретение Театра танца. И сейчас это стало еще более очевидным. Аритмичный, вязкий по стилистике, не самостоятельный по лексике, он представляет собой сбор штампов медитативной пластики.

Неоклассический балет другого американца Трея Макинтайра «Между небом и землей», тоже поставленный полгода назад, сейчас, напротив, созрел. Артистами Большого театра он был исполнен с какой-то упорной неустойчивостью. Соло блистали молодые Анастасия Горячева и Андрей Болотин; опытные Инна Петрова и Константин Иванов отлично разыграли историю барышни и хулигана; а Юрий Клевцов заправски отбивал свою партнершу Элину Пальшину у двух тансеров на танцплощадке. Цвет этого балета — желтый: палящее солнце софитов, африканская музыка, танцы на вечеринке.

Третьим балетом вечера стала долгожданная премьера Алексея Ратманского, очевидного лидера сегодняшней отечественной хореографии. Для новой постановки Ратманский взял сюжет пьесы Анского «Дибук», по которой Вахтангов в 1922 году поставил легендарный спектакль, в свое время пугавший зрителей «мертвечиной». Из-за проблем с авторским правом на музыку Бернштейна (балеты на эту музыку уже ставили Бежар и Роббинс) название пришлось изменить на «Леа» — это имя главной героини. Задача у Ратманского

была непростая: конструктивистскую музыку Бернштейна, отлично исполненную симфоническим оркестром России под управлением Сергея Стадлера, переложить на язык танца, использовав при этом мистический сюжет.

В центре его Леа (Нина Ананиашвили), в которую на свадьбе вселяется дух ее возлюбленного Ханана Дибук (приглашенный артист Американского балетного театра Джузеппе Пиконе). Соло, когда Леа срывает свадьбу и обезумевшая мечется, Ананиашвили проводит неожиданно остро и драматически точно. В горло своему жениху Менаше (Александр Назаревский) она впивается точно вампира. Но Дибук покидает тело Леа, и та умирает, не в силах без него жить.

Балет «Леа» у Ратманского — черный. Но в отличие от вахтанговского спектакля он не пугает: он изысканный, декоративный (постоянный художник Ратманского — Михаил Махарадзе), как и другой его балет на вахтанговскую тему — «Сон Турандот», показанный в Москве этим летом. Если бы Ратманского попросили сказать несколько слов о своем балете в программке, он наверняка написал бы, что «Леа» вдохновлена картинами Шагала и вряд ли упоминал бы эстетику балетного театра 20-х годов. Между тем балетмейстер невольно использует в первых сценах ходы «Блудного сына» Баланчина и «Свадебки» Брониславы Нижинской. Наиболее удачная первая половина балета говорит о том, что Ратманский выходит на новый этап. Он перестал мельчить, дробить танец на множество маленьких деталей маньеристского толка. Он пунктирует танец шагами и укрупненными жестами, нащупывая нерв балетного спектакля на сюжетную тематику.

Дух Ханана Дибук (Джузеппе Пиконе) вселяется в Леа (Нина Ананиашвили)